

Образ положительно прекрасного человека в творчестве Ф.М. Достоевского.

Ф.М. Достоевский – один из величайших художников и мыслителей, который в течение всей своей жизни искал правильные ответы на самые жгучие вопросы человеческого бытия. «Вечными предметами раздумий Достоевского и его героев, по наблюдению М. Бабовича, были природа и судьба добра и красоты в мире, которые были для них явлениями не только эстетического, но и этического порядка».

Если и существует в творчестве Достоевского лейтмотив, главенствующая тема, которой он оставался верен от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых», то в данном случае можно говорить о трагедии красоты, красоты физической и духовной, нравственной и интеллектуальной; именно красоте в каждом произведении Достоевского принадлежит важная роль в реализации идейно-художественного замысла.

Роман «Идиот» по праву считается одним из самых странных и еще не разгаданных произведений Федора Михайловича Достоевского. Известно, что в этом романе писатель хотел показать «положительно прекрасного человека». Известно, что в черновых вариантах у Достоевского есть образ «князь Христос», воплощавший идеал автора, и идеал этот был прекрасен, но тут же он пишет: «идеал - ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть только одно положительно прекрасное лицо – Христос».

Роман «Идиот» загадочен, полон тайн. И одна из них – князь Мышкин. Достоевский предвидит колоссальные трудности, когда задумывает свое детище. В чем же заключалась эта трудность? В первую очередь в том, что такого человека надо было ввести в противоположную ему среду. Правда жизни, которую наблюдал писатель, была в том, что доброе и прекрасное всегда осмеиваются, угнетаются и гибнут в столкновении с ужасным миром. Достоевский не хотел убеждать нас, читателей, в скептицизме по отношению к своему идеалу. Задача писателя – дать надежду на возможность выжить прекрасному, на его торжество, не изменив при этом реальности жизни. Мы понимаем, что Мышкин странен, но эти странности не отделяют его от людей. Он необычайно гармоничен, обладает высокой способностью к отождествлению – неременной принадлежностью ума того типа, какой свойственен Мышкину: пронизательного, проникающего в скрытое «Я» других людей. Без сильного ума его доброта вызывала бы только раздражение, его правдивость – злобу, а общительность, по всей вероятности, привела бы героя в сумасшедший дом. Он прозревает судьбу всех окружающих людей, прозревает самую глубину любимых им женщин.

Восприятие реального мира и мира иного у него сближаются. Проявление этого дара показано автором уже в первых главах «Идиота», но особенно в конце третьей главы, в которой Мышкин одной фразой определяет дальнейшее действие романа и жестокий его конец. Когда Ганя Иволгин спрашивает князя: женился бы Рогожин на Настасье Филипповне, Мышкин отвечает пророчески: «...женился бы, а через неделю, пожалуй, и зарезал бы ее». Эта фраза показывает, насколько внимательно надо относиться к каждому слову Достоевского. Ведь он заставил своего героя предсказать события немислимые – убийство жены мужем сразу после венца.

Все герои Достоевского проходят испытание любовью. Одни, например, Ставрогин, не выдерживают испытания. А Мышкин? Мышкин любит Настасью Филипповну и Аглаю. Образ Аглаи пленяет его, и он готов быть ее верным рыцарем. Но если другие герои Достоевского страдают от избытка сладострастия, то он страдает от его отсутствия. Его любовь бесплотна и бескровна. Другая сторона любви – сострадание, и именно оно ввергает героя в бездну. Мышкин не только сам страдает, но и видит это чувство в других. Он любит Настасью Филипповну жалостью, состраданием и сострадание его беспредельно. Вспомним эпизод, когда Мышкин глядит на портрет Настасьи Филипповны и, пораженный ее красотой, размышляет: «Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек». Князь начинает «читать» эту удивительную красоту. На вопрос генеральши: так вы такую-то красоту цените, князь ответил, что именно такую и за то, «в этом лице... страдания много...». Он забывает во имя этого сострадания обязанности по отношению к собственной личности. Достоевский показывает как в чистом, ангелоподобном существе раскрывается большая любовь, несущая гибель, а не спасение. И, быть может, все несчастье Мышкина в том, что он слишком был подобен ангелу и недостаточно был человеком, не до конца человеком, его природа светлая, но ущербная. Поэтому образ Мышкина стоит в стороне от тех образов Достоевского, в которых он изображает судьбу человека. В Алеше Карамазове он попытался показать положительный образ человека, которому ничто человеческое не чуждо, которому свойственна вся страстная природа человека, а трагедия любви у Мышкина переносится в вечность и ангельская его природа – один из источников увековечения этой трагедии любви. Достоевский раскрывает любовь как проявление человеческого своеволия. Она раскалывает и раздваивает человеческую природу, поэтому она никогда не приводит героев к соединению. Любовь Мышкина и Рогожина к Настасье Филипповне, как и сами герои, разная: в Рогожине она вызывает сладострастие, а в Мышкине – сострадание и жалость.

Рогожин говорит Мышкину, что он его ненавидит, полагая счастливым соперником и причиной всех своих несчастий. Он объясняет, что Мышкин связал жизнь с двумя безумцами: от несчастной любви одна готова к смерти,

другой - к убийству. Рогожин объясняет так: «Да потому и идет за меня, что за мной нож ожидает!» И минутой позже этот простец объясняет мудрецу, почему над ними обоими, словно маятник раскачивается: «Она от тебя и убежала тогда, потому что сама спохватилась, как сильно тебя любит... Да не было бы меня, она давно бы уже в воду кинулась, верно говорю. Потому и не кидается, что я, может, еще страшнее воды». Становится совершенно понятно, что при таком чудовищном исходе этой любви, угроза гибели висит и над Мышкиным. И не случайно Мышкин - в пятой главе второй части - бродит по Петербургу, преследуемый Рогожиным, и думает при этом о многом; он произносит про себя свой символ веры: «Сострадание есть главнейшее и, может быть, единственный закон бытия всего человечества», но и это он делает небрежно, мимоходом, потому что не тем занята его голова. Он словно бы не замечает своего преследователя, но мысленно то и дело возвращается к глазам Рогожина, выражающим нечто демоническое. Таким образом, мы открываем для себя видение автором мира: с одной стороны хаотичного, угрожающего, а с другой - прекрасного, доброго и гуманного, воплощающего в себе идеал Достоевского. И именно положительные герои реализуют эту идею спасения мира от жестокости, разврата, хаоса, разрушающего целостность человеческой души. Поэтому я согласна с высказыванием Достоевского, что «мир спасется красотой». В начале своего сочинения я писала об уподоблении князя Мышкина образу Христа. «Красота» и христианский идеал для Мышкина синонимы, хотя автор не вкладывает это понимание в уста своего героя. На даче у Лебедева Ипполит Терентьев вдруг неожиданно спрашивает: «Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет «красота»? Господа, - закричал он громко всем, - князь утверждает, что мир спасет красота!.. Какая красота спасет мир? Мне это Коля пересказал... Вы ревностный христианин? Коля говорит, вы сами себя называете христианином». Князь внимательно на него посмотрел, но ничего не ответил, потому что для него такого вопроса, как мне кажется, не существовало. Автор не дает возможности высказаться своему герою, да и сам Мышкин говорит, что «не имеет права унижать мысль, сам ее излагая».

Мы узнаем об этом от других лиц романа, но и в этих случаях Мышкин воздерживается от пояснений, предпочитая говорить о самом заветном с теми, кого любит и кому доверяет.

Достоевский в письме к А.В. Алексееву 1876 идеал красоты прямо связывает с образом и Заветом Христа: «Если... не будет жизни духовной, идеала красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя или пустится в языческие фантазии. А так как Христос в Себе и Слове своем нес идеал Красоты, то и решил: лучше вселить в души идеал Красоты; имея его в душе, все станут один другому братьями». Это набросок рассказа об искушении Христа дьяволом, хорошо знакомого нам из поэмы Ивана Карамазова «Великий Инквизитор», подробно и четко раскрывающий

авторское понимание красоты. И конечно, именно так понимал красоту, единственно способную спасти мир, князь Мышкин. Поясняя свою мысль, Достоевский пишет: «Красота присуща всему здоровому, т.е. наиболее живущему, и есть необходимая потребность организма человеческого. Она есть гармония; в ней залог успокоения; она воплощает человеку и человечеству его идеалы». Утверждая, что «красота всегда полезна», Достоевский, однако, подчеркивает, что воздействие ее сказывается не сразу, но постепенно, незаметно оказывая благотворное влияние на человеческие души.

Вместе с тем Достоевский ощущает необходимость как-то конкретизировать понятие «красоты». Он чувствует недостаточность определения красоты лишь как гармонии, пропорциональности, соразмерности. И это отражается в художественной ткани его романов, где мы находим два вида красоты. С одной стороны – красота Настасьи Филипповны и Грушеньки, красота лица и тела, зримая для всех и понятная если не всем, то большинству. В наши дни ее прославляют телевидение и пресса. Эта красота может покупаться и продаваться, но спасти мир она вряд ли способна, ибо побуждает в одних сладострастие, в других – зависть, в третьих – комплекс неполноценности. Подобная красота часто обманчива, она представляет лишь намек на иной, высший тип красоты.

Эта высшая, потаенная, незримая красота доступна всякому, кто хоть однажды испытал на себе ее благодатное веяние.

Суть подлинной красоты, по Достоевскому, заключается «в сознательном и никем не принуждаемом самопожертвовании всего себя в пользу всех... Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности...». Несомненно, князь Мышкин в нравственно – эстетическом отношении – это, безусловно, цельная личность.

Но его красоту духовную вряд ли можно назвать бесспорно положительной; недостает ей чего-то твердого и незыблемого, прочной связи с Родиной, народом, его святынями; его доброта абстрактна, не избирательна: для него все есть люди одинаково вызывают сочувствие, располагают к откровенности. Его презирают, начинают ненавидеть, а он все и всех прощает. Аглая говорит: «Я ни одного человека не встречала в жизни подобного ему по благородному простодушию и безграничной доверчивости... Всякий, кто захочет, тот и может его обмануть, и кто ни обманул его, он потом всякому простит, и вот за это-то я его и полюбила».

Нет сомнения, что это исключительно высокая оценка нравственных достоинств князя. Настасья Филипповна опустилась перед ним на колени, прямо на улице. Гордая красавица – живое воплощение огромной, непреодолимой силы красоты – на коленях перед детски наивным князем – символ преклонения красоты перед беззащитным добром.

После романа «Идиот», в работе над «Бесами», Достоевский продолжает обдумывать проблему красоты все более настойчиво и многосторонне. В «Бесах» находим замечательное суждение Шатова о великой движущей силе исторического процесса, силе «бесперывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти...»

Поскольку в искусстве эстетический и этический идеал неразрывны, понимание красоты у Достоевского исследователи нередко отождествляют с представлениями о совести и нравственности. Целые страницы записной тетради к «Бесам» под названием «Фантастические» посвящены, в частности, и проблеме нравственности.

Главный герой «Бесов» принадлежит к тому типу, вариантами которого являются герой «Записок из подполья» и Свидригайлов; образы этого типа у Достоевского выражают одну и ту же тему: цивилизация вырабатывает в человеке лишь «многосторонность ощущений» - и ничего больше. В «Бесах» Достоевский стремится доказать на примере Ставрогина и других мерзавцев своей жизни, что безбожие неизбежно ведет к утере нравственности, к полной утере всех критериев добра и зла. У Ставрогина атрофировано чувство отвращения к грязи, «дух» его одинаково замирает от восторга и перед мерзостью и перед великодушием.

Мы встречаем Николая Ставрогина, когда нет у него уже никакой творческой духовной жизни. Он уже ни к чему не способен. Вся жизнь его в прошлом. Ставрогин – творческий, гениальный человек. От него идут все линии. Все живут тем, что некогда было внутренней жизнью Ставрогина. Идеи и чувства отделились от него и вульгаризировались. И собственные идеи и чувства вызывают в нем отвращение. Он индивидуалист, его мировые идеи – лишь трагедия его духа, его судьба, судьба человека.

В «Бесах» широко развернут спор о красоте в ее собственно эстетическом значении. Степан Трофимович Верховенский яростно защищает Шекспира и Рафаэля перед толпой нигилистов на литературном вечере: «Я объявляю... что Шекспир и Рафаэль – выше освобождения крестьян, выше социализма, выше народности, выше почти всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть! Форма красоты уже достигнута...»

Не все, что в обществе называется красотой, не все, что именуется искусством, принадлежит к сфере прекрасного.

На раннем этапе работы над романом «Бесы» Князь (будущий Ставрогин, пока еще очень близкий автору духовно) развивает перед Шатовым свои заветные идеи нравственного возрождения России. Он утверждает, что «нравственность же предоставленная самой себе или науке, может извратиться до последней погани – до реабилитации плоти и до сожжения младенцев». Очевидна связь между упованием князя Мышкина на красоту, которая должна «спасти мир», и этим рассуждением другого Князя. Ясно, что

мысль самого автора, давняя мучительная мысль, впервые сформулированная в романе «Идиот», законченном в 1869 году, не отпускала его (цитированные записи сделаны в июле 1870 года). Однако вся эта развернутая дискуссия в текст «Бесов» не вошла.

Достоевский романтически влюблен в своего героя, пленен и оболщен им. Никогда ни в кого он не был так влюблен, никого не рисовал так романтично. Николай Ставрогин – слабость. Прельщение, грех Достоевского. Других он проповедовал как идеи. Ставрогина он знает как зло и гибель.

В чем же трагедия ставрогинского духа, в чем тайна и загадка его исключительной личности? Как понять бессилие Ставрогина, его гибель? Этому творческому и знавшему безмерность желаний человеку не дано было ничего сотворить, не дано было просто жить, остаться живым. Безмерность желаний привела к их отсутствию, безграничность личности к утере личности, неуравновешенность силы привела к слабости, безудержный эротизм к неспособности любить. Он все испытал и перепробовал, как великие идеи, так и великий разврат. Он не мог сильно пожелать одного и одному отдался.

Николай Ставрогин – это личность, потерявшая границы, от безмерного утверждения себя потерявшая себя. Для него самоубийство – единственное доказательство того, что при жизни они еще не совсем разложились.

Вторая попытка создать образ положительно прекрасного человека переходной эпохи связана с Алешей Карамазовым, который во многом сходен с князем Мышкиным. Его все любят, ищут с ним дружбы, спрашивают совета; дети – первейшие друзья Алеши. Но уже в начале своего жизненного пути Алеша во многом отличается от Мышкина. В нем чувствуется любовь к жизни, он здоров и, кажется, умеет за себя постоять.

Обратимся теперь к рассмотрению красоты, как временного, преходящего состояния личности. Тип цельной личности, т.е. положительно прекрасного человека, остался для Достоевского несуществующим идеалом. Подлинная красота как цельность личности в те или иные моменты жизни обычное дело. Каждый человек хоть однажды на своем веку бывает действительно духовно красив.

Цельность духовного мира личности способна даже за короткое время преобразить личность, пробудить, активизировать в ней подлинно человеческие чувства и способности – вот что важно, вот чем ценны эти преходящие состояния духовного подъема. Мечтатель – герой «Белых ночей» испытывал подобное состояние четверо суток, но и то понял, как радость и счастье делают человека прекрасным, т.е. человеком по существу. Настенька любит другого, выходит за него замуж. И хорошо, что она счастлива.

Однако не всякая цельность личности может быть признана подлинной красотой. Лишь цельность, вырабатываемая в процессе органического, сознательного усвоения личностью благородных нравственных принципов,

руководящих ее действиями, является действительно бесспорной красотой. Такая красота – радость для других и великое счастье для личности.

Получать радость от бескорыстного отношения к человеку, от глубокого чувства человечности – вот бесспорная положительная красота, нерушимый идеал прекрасного. Идеал человечности бессмертен, он передается из поколения в поколение.

«Тем – то и сильна великая нравственная мысль, писал Достоевский,- тем – то и единит она людей в крепчайший союз, что измеряется она не немедленной пользой, а стремится их в будущее, к радости абсолютной... А нравственные идеи только все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди в идеале».

Алеша Карамазов единственно цельная личность. Идеалы нужны человеку для жизни как мотивы, стимулы действий, объединяющие друг с другом. Именно таков его идеал – монастырская дорога, - к которому он пришел самостоятельно. Но Алеша не придумал, не изобрел себе идеал. Он верил беспрекословно в чудесную силу старца, своими глазами видел исцеление больных. Он не размышлял – исцеление ли это было в самом деле, или только естественное улучшение в ходе болезни, ибо он вполне верил в духовную силу своего учителя. «Он отлично понимал, что для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом Игорем, а главное, всегдашней несправедливостью и всегдашним грехом... нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть пред ним и поклониться ему.

Алеша пламенно верил, что старец именно и есть тот самый святой, тот хранитель божьей правды в глазах народа; он больше других уповал на то, что старец, хоть и стоит перед ним единицей, но «в его сердце тайна обновления для всех, та мощь, которая установит, наконец, правду на земле, и будут все святы, и будут любить друг друга и не будет униженных, а будут все как дети божии и наступит настоящее царство Христово. Вот о чем грезилось сердцу Алеши».

Алеша облек свои мечты и надежды в ту же форму, что и люди из народа. Вот почему он говорит Ракину после смерти Зосимы и крушения его надежд на чудо, что он потерял такое сокровище, которого тот никогда не имел. Главное здесь не то, что Алеша обрел свой идеал в живой личности, в чем-то реально существующем, а то, что идеал овладевает всей личностью целиком, чувствами, эмоциями и надеждами, что она сливается в этих чувствах и переживаниях с огромными массами людей, что сам идеал выступает формой этих чувств и переживаний, формой объединения, связи людей. Такой идеал по существу есть воплощение связи человека с действительностью, реальными чувствами и чаяниями людей. И Достоевский это усиленно подчеркивает.

Таким образом, мы можем говорить, что и Алеша Мышкин, несмотря на его отчужденность от реального мира, несомненно, положительно прекрасные, цельные личности, с их душевной красотой, духовным совершенством.

Что касается Ставрогина, то его образ я рассматривала в качестве антипода этих двух героев. Его стремление к совершенствованию самого себя мистифицировано и несет в себе демоническое начало, его, пожалуй, можно сравнить с гетевским Фаустом.